

Нэт Бояр

**Тень над Зареченском.
Черные невидимки**

«Литнет»

2025

Бояр Н.

Тень над Зареченском. Черные невидимки / Н. Бояр — «Литнет», 2025

16+ В забытом богом городке, где время остановилось вместе с крахом империи, бывший следователь ищет уединения. Но оказывается втянутым в вихрь зловещих событий. Призраки прошлого вновь оживают, а манящая тишина оказывается лишь преддверием мрачных тайн. Исчезновение дорогой сердцу вещи, связанной с самой болезненной ошибкой, запускает цепь необъяснимых событий, навлекающих на него тень, от которой невозможно скрыться. С каждым шагом в атмосфере гнетущего упадка и шёпотов, в панельных стенах, он сталкивается с тем, что намного страшнее обычных преступлений. Погружаясь в тайны заброшенного завода, где воздух пропитан запахом ржавчины и отчаяния, герой и его случайная команда оказываются в ловушке неведомой силы. Резкий свет и громкий звук становятся их случайным оружием против теней, которые питаются их страхом. Но что, если эта борьба — лишь начало? Пробуждённое зло оказывается куда страшнее и мощнее, чем можно было представить.

© Бояр Н., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Шорох в стенах	5
Глава 2. Чёрные невидимки	17
Глава 3. Призрак памяти	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Глава 1. Шорох в стенах

Дождь хлестал по лобовому стеклу потрёпанной «Приоры». Лил он с такой силой, будто небеса решили смыть с земли все следы человеческого существования. Марк Сомов сидел на заднем сиденье, наблюдая, как серые потоки воды смешиваются с ржавыми подтёками на бетонных фасадах панельных домов. Металлический привкус разложения и забытых надежд пропитывал воздух так густо, что казалось, его можно было прощупать руками.

Водитель, нервозный мужчина средних лет с вечно дергающимся левым глазом, в третий раз взглянул в зеркало заднего вида. Его пальцы барабанили по рулю в беспокойном ритме, а на лбу выступили капельки пота, хотя погода, была прохладной.

— Слушай, мужик, — пробормотал хриплым голосом таксист, не поворачивая головы. — А ты точно хочешь остаться здесь? Я могу довезти обратно до станции, денег не возьму. Честное слово.

Марк молча разглядывал заколоченные витрины магазинов, пустые улицы, по которым лишь изредка пробежали одинокие фигуры в промокших плащах. Посёлок встречал именно таким, каким он его и представлял, городом-призраком, застывшим во времени после краха всего, во что когда-то верили его жители.

Зареченск. Это имя на карте было похоже на стёршуюся надпись на надгробии. Когда-то, в эпоху, что теперь кажется позабытой, он был крепким промышленным кулаком, гордо вбитым в приграничные земли Советского Союза. Завод-гигант, дымил день и ночь, его ритм был пульсом города. Строили его на совесть, как и всё тогда, монументально, с размахом, на века.

С развалом великой страны Зареченск, как сироту, перебросили через новую границу, в состав государства-побратима, ставшего вдруг независимым и далёким. И всё рассыпалось. Единый промышленный организм был разорван, экономические связи оборваны, как ненужные провода. Завод, лишённый снабжения и смысла замер. Цеха начали вставать на плановый ремонт, а потом остановились навечно.

Город начал медленно умирать. Сначала уехала молодёжь, потом потянулись за лучшей долей квалифицированные специалисты. Позже закрылись кинотеатр, дом культуры, библиотека... Оставшиеся жители будто впали в коллективную спячку, агонию, растянутую на десятилетия. Оконные стекла в пятиэтажках мутнели, штукатурка осыпалась, обнажая кирпичную кладку, как рёбра скелета. Улицы, рассчитанные на гул машин и спешащих на смену рабочих, теперь были пустынно и безмолвны, лишь ветер гонял по ним перекати-поле из пыли и обрывков газет.

И главное, что его приграничное положение, когда-то бывшее преимуществом, стало проклятием. Он висел на самом краю, на отшибе, забытый и старыми хозяевами, и новыми. Сюда не доходили инвестиции, сюда не заглядывала власть. Зареченск превратился в серую, безликую дыру, место, куда предпочитали не смотреть. Жизнь здесь замерла на отметке «девяностые», но без той лихорадочной энергии, а в состоянии глубокого, беспросветного ступора.

— Приехали, — объявил водитель, останавливаясь возле облупившегося пятиэтажного дома. Краска свисала с его стен, как больная кожа, некоторые окна зияли чёрными провалами или были заклеены картоном и газетами.

Марк расплатился, и, не дожидаясь сдачи, вытащил из багажника свой единственный чемодан. Водитель даже не попрощался. «Приора» исчезла за поворотом с такой скоростью, как будто её преследовали черти. Стоя под проливным дождём, Марк ощупал внутренний карман пальто, проверяя знакомую тяжесть карманных часов Алексея. Золотистый корпус, потёртый от времени и прикосновений, был единственной вещью, что осталась от его напар-

ника, единственным осязаемым доказательством того, что Алексей Петрович Морозов когда-то существовал, смеялся, верил в справедливость и погиб из-за чужой ошибки.

Дождевая вода стекала по воротнику, проникая под одежду холодными ручейками. Каждая капля была похожа на прикосновение призрака, назойливая и леденящая. Марк резко тряхнул головой, сбрасывая тяжёлые капли, и поднял глаза на здание, которое должно было стать его домом. Серая, пятиэтажная «Хрущёвка», поросшая влажной темнотой. Она казалась не жилым массивом, а, скорее, монолитом забвения. Именно то, что ему было нужно.

Дверь в подъезд не сопротивлялась, отворившись с долгим, тоскливым скрипом. Воздух внутри был густым и затхлым, пахло старыми обоями, пылью и сладковатым дымом дешёвого табака. Подъезд был странно пустынным и просторным, как заброшенный холл вокзала. Когда-то на этажах было по четыре квартиры, но теперь от них остались лишь зияющие проёмы, обрамлённые облупленными косяками. Двери сняли, превратив личные владения в пустоту.

Пространство перестроили, сделав его общей прихожей, гостиной или клубом по интересам для горстки оставшихся жильцов. Прямо напротив входа, в свете закопчённого окошка, стоял старый, продавленный диван, обитый заплатками из рваного дерматина. На нём, как неотъемлемая часть интерьера, восседал дядя Вася. Он был живым памятником этому месту: в застиранной майке, с неизменной сигаретой в уголке рта. Его пальцы, почерневшие от табака, ловко скручивали новую порцию «бычка», а мутные глаза, прищуренные от дыма, проводили Марка безучастным, но всевидящим взглядом стражника. Рядом на табуретке дымилась жестяная пепельница, сделанная из консервной банки, этаким неприкосновенный алтарь дяди Васи.

Сам Марк не курил и не одобрял подобной привычки, пагубно сказывающейся на здоровье курильщика и окружающих, но такое соседство придётся терпеть. На втором этаже та же картина. Просторный холл без дверей, в котором по праздникам выносили длинный шаткий стол. Все соседи по этажу собирались здесь, в бывшем подъезде, выставляя кто салат, кто стопку горячительного, кто тарелку пельменей. Это было шумное, странное застолье в пространстве, которое уже не было ни частным, ни публичным, а каким-то переходным, пограничным.

Сами четыре бывшие квартиры на этой лестничной клетке теперь были единой коммунальной квартирой. Муравейником. Каждое помещение, это бывшая комната, становилась клетушкой для своего обитателя. Но сердцем странного организма была кухня. Право и, что важнее, обязанность владеть ею разделяли две соседки, Алевтина Михайловна и Светлана. Они вдвоём опекали всех: кормили дядю Васю, когда он напивался, и читали ему лекции о вреде алкоголя, выслушивали жалобы парня с двадцать пятой квартиры, следили, чтобы в общем туалете было чисто. Их кухня, пахнувшая ароматными пирожками и хлоркой, была штабом, судом и столовой одновременно.

Этот подъезд, этот прекрасный дом, построенный ещё при Хрущёве для жизни, а теперь служивший ей же, но в таких причудливых формах, казался Марку идеальным местом. Здесь можно было раствориться в этих полуразрушенных стенах, в этой странной иерархии, в дымном мареве самокруток дяди Васи. Это был идеальный способ исчезнуть, сбежать от тоски и мыслей. Стать ещё одной тенью, в общем, ничьём зале ожидания.

Второй этаж. Полутёмный коридор, пропитанный запахами еды, сырости и человеческого горя. Лампочка под потолком мигала с неровными интервалами, отбрасывая пляшущие тени на облезлые стены. Марк постучал по краю дверной арки с номером двадцать восемь, намалёванном наспех чёрной краской рядом с косяком отсутствующей двери.

В коридоре появилась пожилая женщина, небольшого роста, с седыми волосами, аккуратно уложенными в шишку. Но больше всего поразили Марка её глаза, пронизательные, добрые, но будто хранящие в своей глубине десятилетия тайн и печали.

— Марк Алексеевич? — спросила она тихим, учительским голосом. Строго и уверенно. — Анна Петровна Ключкова. Проходите, пожалуйста. Вы совершенно промокли.

Она провела его в просторную, хотя и скромно обставленную комнату. Старая мебель была начищена до блеска, а на подоконниках стояли горшки с геранью. Это были единственные яркие пятна в общей серости.

— Располагайтесь, — Анна Петровна указала на кресло возле окна. — Сейчас приготовлю чай. А это моя внучка, Катенька.

Из-за книжного шкафа выглянула худенькая девочка лет тринадцати с огромными тёмными глазами. Она смотрела на Марка таким пристальным взглядом, как будто видела что-то, недоступное другим. В её глазах читалось не детское любопытство, а какое-то тревожное понимание.

— Здравствуйте, — тихо сказала Катя, не отводя глаз.

Марк кивнул в ответ, чувствуя себя «не в своей тарелке» под этим изучающим взглядом. Девочка будто пыталась заглянуть ему в душу, и это его беспокоило.

— Катя, покажи Марку Алексеевичу его комнату, — попросила Анна Петровна, исчезая на кухне.

Девочка молча повела его по узкому коридору. Комната оказалась маленькой, но чистой. Железная кровать, тумбочка, стол, стул, небольшой шкаф. Окно выходило во двор, где одиноко качались голые ветви берёзы.

— Дверь лучше на ночь запирать, — неожиданно сказала Катя, всё так же, не отводя взгляда. — И если услышите шуршание в стенах, не обращайтесь внимания. Оно само пройдёт.

Прежде чем Марк успел спросить, что она имеет в виду, девочка исчезла в коридоре, оставив его наедине с чемоданом и нарастающим чувством тревоги. Распаковывая немногочисленные вещи, Марк размышлял о словах девочки. Шуршание в стенах? В старых домах всегда полно звуков: трубы, мыши, деревянные конструкции, которые скрипят и трещат. Но что-то в тоне Кати заставило его насторожиться.

Он аккуратно положил часы Алексея на прикроватную тумбочку, как делал это каждый вечер последние три года. Золотистый корпус отражал тусклый свет лампы, а тиканье звучало удивительно громко в тишине комнаты.

— Марк Алексеевич, чай готов! — позвала Анна Петровна.

Затем старушка осторожно расспрашивала о его прошлом, но Марк отвечал уклончиво.

— ... За пятьдесят, пятьдесят пять... не женат... детей нет.

Рассказал, что всю свою жизнь работал в полиции и теперь хочет пожить тихо, подальше от городской суеты. Анна Петровна не настаивала, будто понимала, что некоторые раны нельзя трогать слишком грубо.

— Зареченск, это место особенное, — сказала она, наливая ему вторую чашку. — Здесь время течёт по-другому. Прошлое и настоящее иногда переплетаются так тесно, что трудно понять, где заканчивается одно и начинается другое.

— Бабушка любит рассказывать сказки, — тихо заметила Катя, но в её голосе не было насмешки.

— Это не сказки, детка, — мягко возразила Анна Петровна. — Это память. А память имеет свою силу.

В этот момент в комнату вошла молодая женщина, стряхивая капли дождя с пальто. Она была привлекательной, лет около сорока, с умными, но уставшими глазами врача. Её тёмные волосы были собраны в аккуратный пучок, а движения выдавали профессиональную собранность и привычку к порядку.

— Мама, я принесла лекарства, — она замерла, заметив Марка. — Извините, я не знала, что у нас тут гость.

— Это Марк Алексеевич, наш новый жилец, — представила старушка гостя. — А это моя дочь Елена. Она врач, приехала ухаживать за старой мамашей.

Елена протянула руку для рукопожатия. Её ладонь была тёплой и нежной. Наверное, такой должна быть рука человека, привыкшего исцелять.

— Елена Анатольевна, — представилась она. — Надеюсь, мама вас не утомила своими историями о местных легендах?

Марк почувствовал странное волнение от её прикосновения, такое чувство, которое он не испытывал уже много лет. Это его напугало. Он обещал себе держаться подальше от любовной привязанности.

— Ваша мать очень гостеприимна, — ответил он сдержанно, быстро отдёргивая руку.

Елена внимательно изучала его лицо, и Марк понял, что она видит следы горя и вины, которые он носил в себе, как шрамы. В её взгляде читалось понимание и узнавание одной раненой души другой.

— Выглядите усталым, — сказала она мягко. — Долгая дорога?

— Достаточно долгая, — уклончиво ответил мужчина.

— Мне кажется, — продолжила Елена, не обращая внимания на его попытки избежать разговора. — Что вы тоже бежите от чего-то. Я права?

Её прямого застала врасплох. Марк поднялся из-за стола, чувствуя, как напрягаются мышцы.

— Благодарю за чай, — сказал он Анне Петровне. — Я очень устал.

— Конечно, кивнула старушка. — Отдыхайте. А завтра, если захотите, покажу вам библиотеку. У нас много интересных книг о местной истории.

В своей комнате Марк долго сидел на краю кровати, слушая, как стихает дождь. Часы Алексея тикали размеренно, отсчитывая секунды его новой жизни. Жизни, которая должна была стать спокойной и предсказуемой...

Он лёг, не раздеваясь, и закрыл глаза. Но сон не шёл. Вместо него приходили воспоминания: Алексей смеётся над его шуткой, Алексей серьёзно изучает улики, Алексей падает, сражённый пулей киллера, которого они недооценили. Пулей предназначавшейся для Марка...

Около полуночи дождь прекратился, но вместо долгожданной тишины в доме начали раздаваться другие звуки. Сначала это было едва заметное поскрипывание. «Старый шкаф», — решил Марк. Потом послышался тихий шорох, будто кто-то очень осторожно передвигался по верхнему этажу.

Мужчина прислушался внимательнее. Шорох становился отчётливее, и теперь казалось, что он доносится не сверху, а из стен. Тонкий, настойчивый звук, похожий на шуршание бумаги или... на осторожные шаги босых ног по деревянному полу. «Мыши», — попытался убедить себя Марк, но звук не походил на возню грызунов. В нём чувствовался какой-то ритм, почти разумный, как будто кто-то намеренно перемещался по скрытым ходам внутри стен. «Но там же панель, железобетонная...»

Шорох обошёл вокруг его комнаты. Сначала вдоль одной стены, потом другой, потом третьей. Марк сел на постели, напряжённо вслушиваясь. Звук остановился прямо за его изголовьем, а потом раздался тихий, едва слышный стук. Три удара. Пауза. Ещё три удара. Мужчина встал и осторожно коснулся стены ладонью. Панель была холодной и влажной. Он постучал в ответ, один раз, коротко. Тишина затянулась на несколько долгих секунд, а потом шуршание возобновилось, теперь уже удаляясь к дальнему концу дома.

Взглянув на часы Алексея, Марк увидел, что стрелки показывают три часа семнадцать минут. Самое мёртвое время ночи, когда граница между явью и сном становится особенно тонкой. Он решил выйти в коридор и проверить, не слышны ли эти звуки там. Дверь открылась бесшумно, и Марк оказался в полной темноте. Коридор был пуст и тих, лишь где-то далеко тикали старые настенные часы.

Прислушавшись, он не услышал ничего необычного. Шуршание прекратилось, будто его источник почувствовал наблюдателя и затаился. Мужчина постоял ещё пару минут, но тишина

оставалась полной. Он вернулся в комнату, аккуратно положил часы на тумбочку и лёг в кровать. Усталость наконец взяла своё, и он провалился в беспокойный сон, полный обрывочных образов и голосов из прошлого.

Утренний свет, проникавший сквозь грязное стекло, был серым и скудным. Марк проснулся с тяжёлой головой и ощущением, что что-то не так. Он потянулся к тумбочке, чтобы проверить время, и его рука нащупала только пустую поверхность.

Часов не было.

Сердце ухнуло вниз. Мужчина вскочил с кровати и лихорадочно осмотрел тумбочку, пол вокруг неё, заглянул под кровать. Ничего. Часы Алексея исчезли, будто их никогда здесь не было.

— Нет, — прошептал он, падая на колени и проверяя каждый сантиметр пола. — Нет, нет, нет...

Он разбросал содержимое чемодана, перетряхнул всю одежду, проверил каждый карман. Часы будто растворились в воздухе. Единственное, что осталось от Алексея, единственное доказательство того, что его напарник был реальным человеком, а не плодом больного воображения, исчезло.

Марк опустился на пол среди разбросанных вещей и закрыл лицо руками. Слезы ярости и отчаяния жгли глаза. Потеря часов была не просто кражей, это было разрушением последней связи с человеком, чья смерть лежала на его совести тяжким грузом.

— Марк Алексеевич? — в дверь постучали. — С вами всё в порядке?

Это была Елена. Её голос звучал обеспокоенно.

— Всё хорошо, — хрипло ответил Марк, пытаясь собрать разбросанные вещи.

— Можно войти?

Он не успел ответить, дверь осторожно приоткрылась, и Елена заглянула внутрь. Увидев хаос в комнате и его лицо, она быстро вошла и закрыла дверь за собой.

— Что случилось? — спросила женщина, присаживаясь на корточки рядом с ним.

— Украли, — сказал Марк, не поднимая глаз. — Украли часы.

— Какие часы?

— Они принадлежали... моему другу. Он умер. Это всё, что у меня от него осталось.

Елена молча протянула руку и осторожно коснулась его плеча. Прикосновение было тёплым и успокаивающим, но Марк отшатнулся, будто её рука обжигала.

— Не надо, — резко сказал он. — Просто... не надо.

— Вы не первый, — тихо ответила Елена, не отнимая руку. — Многие жильцы жалуются на пропажу личных вещей. Причём всегда исчезало что-то особенно дорогое сердцу.

Марк поднял голову и посмотрел на неё. В глазах читалось понимание и сочувствие, которого он не заслуживал.

— У кого ещё что украли?

— У тёти Клавды пропал портрет покойного мужа. У дяди Гриши исчезла медаль за отвагу. У соседки снизу украли обручальное кольцо, которое она носила сорок лет.

— Значит, в доме есть вор, который точно знает, что и у кого брать, — мрачно констатировал Марк.

В этот момент в комнату заглянула Анна Петровна. Она окинула взглядом беспорядок и лицо гостя, и её выражение лица стало серьёзным.

— Опять началось, — тихо сказала она. — Боже мой, опять началось.

— Мама, что ты имеешь в виду? — обратилась к ней Елена.

Анна Петровна прошла в комнату и села на единственный стул. Её руки слегка дрожали от волнения.

— Есть вещи, которые притягивают горе, — начала она осторожно. — Старые беды, которые никогда не засыпают до конца. Они чувствуют чужую боль и... питаются ею.

— Мама, — Елена покачала головой, — это предрассудки.

— Может быть, — согласилась Анна Петровна. — Но тогда объясни мне, почему исчезают только вещи, связанные с утратой? Почему воры не берут деньги или драгоценности, а выбирают именно то, что причинит больше всего боли?

Марк поднялся с пола и подошёл к окну. За стеклом виднелись серые силуэты заброшенных заводских корпусов, торчащих на горизонте, как скелеты доисторических чудовищ.

— Скажите прямо, — спросил он, не оборачиваясь. — Что вы знаете?

— Я знаю, что некоторые поиски ведут в места, откуда люди не возвращаются, — ответила старушка. — Я знаю, что завод там, за рекой, хранит в себе больше тайн, чем могут понести его ржавые стены. И я знаю, что тот, кто начнёт копать слишком глубоко, рискует обнаружить, что копает он собственную могилу.

— Хватит этих загадок! — вспыхнул Марк, оборачиваясь к ней. — Если вы что-то знаете, говорите прямо!

Елена встала и положила руку ему на плечо. На этот раз он не отстранился, слишком был поглощён гневом и отчаянием.

— Марк, успокойтесь, — сказала она мягко. — Мама пережила здесь многое. Иногда реальность и легенды смешиваются у неё в памяти.

— Это не легенды, Леночка, — печально возразила Анна Петровна. — Это история. И история имеет привычку повторяться.

Она поднялась и направилась к двери, но на пороге остановилась.

— Марк Алексеевич, если решите искать свои часы, будьте осторожны. И помните, что некоторые потери нельзя возместить, но можно научиться жить с ними. Иногда это единственный способ выжить.

Оставшись наедине с Еленой, Марк почувствовал, как стены комнаты будто сдвигаются ближе. Её присутствие одновременно успокаивало и пугало, он слишком долго жил в одиночестве, чтобы легко впустить кого-то в свою измученную виной жизнь.

— Расскажите мне о часах, — попросила она, садясь на край кровати. — О том, кто их носил.

— Зачем? — резко спросил Марк.

— Потому, что иногда поговорить боль вслух помогает её унять.

Марк долго молчал, борясь с желанием выгнать её из комнаты и страхом остаться наедине со своими мыслями. Наконец он сел в кресло у окна и заговорил:

— Алексей был моим напарником. Три года назад мы расследовали дело о коррупции в городской администрации. Это была опасная история, много влиятельных людей могли потерять всё. Мы получили наводку на встречу, где должны были передать крупную взятку.

Он замолчал, глядя в окно на серые крыши домов.

— Я настоял на том, чтобы мы пошли без подкрепления. Хотел взять их с поличным, получить все доказательства сразу. Алексей говорил, что это слишком рискованно, но я не послушал. Я был уверен в себе, думал, что мы справимся.

Елена слушала молча, не перебивая.

— Нас ждали, — продолжил Марк. — Кто-то предупредил. Киллер стрелял в меня, но Алексей закрыл меня собой. Умер на месте. А я остался жив, чтобы каждый день вспоминать, что это должен был быть я.

— Вы не могли знать, — тихо сказала Елена.

— Мог! — резко возразил он. — Все признаки были налицо. Но я был слишком самоуверен, слишком упрям. И теперь хороший человек мёртв из-за моей ошибки.

— И поэтому вы приехали сюда? Чтобы наказать себя изоляцией?

Марк посмотрел на неё с удивлением. Её вопрос попал точно в цель.

— Что вы понимаете в этом? — спросил он.

— Больше, чем вам кажется, — ответила Елена. — Я тоже... И я тоже потеряла пациента из-за своей самонадеянности. Мальчик, семь лет. Думала, что диагноз ясен, не стала делать дополнительные анализы. А у него была редкая форма аллергии. Он умер от анафилактического шока прямо у меня на глазах.

Теперь молчал Марк. В её голосе звучала та же боль, что терзала его самого.

— И что вы сделали? — спросил он.

— То же, что и вы. Сбежала. Приехала сюда ухаживать за мамой и думать о том, как жить дальше с этим грузом, — она помолчала. — Но знаете, что я поняла? Бегство не лечит. Оно только откладывает исцеление.

— А что лечит?

— Прощение. Себя и других. И возможность снова помочь кому-то.

Марк отвернулся к окну. Её слова находили отклик в его душе, но он не был готов принять их. Боль была единственной связью с Алексеем, и отпустить её, означало окончательно потерять друга.

— Я не хочу исцеляться, — честно сказал он. — Эта боль... это всё, что у меня осталось от него. Он был мне как брат.

— А часы? — мягко спросила Елена.

— Часы, это доказательство. Что он был реальным. Что наша дружба была реальной. Что его смерть что-то значила.

Елена встала и подошла к нему. На этот раз он не отстранился, когда она положила руку на его плечо.

— Его смерть будет что-то значить, только если вы сделаете что-то стоящее с оставшейся жизнью, — сказала она. — Самобичевание, это не памятник другу. Это медленное самоубийство.

В коридоре послышались шаги, и в дверь постучали. Это была Катя.

— Дядя Марк, — сказала она, заглядывая в комнату. — Там к вам пришли, участковый. Хочет с вами поговорить.

Марк и Елена переглянулись. Визит участкового в первый же день пребывания в городе не предвещал ничего хорошего.

В гостиной их ждал худой, нервозный мужчина лет тридцати пяти в выглаженной полицейской форме. Его глаза были воспалены от недосыпания, а руки слегка дрожали. Он то и дело дёргал плечом, было похоже на нервный тик, который выдавал состояние хронического стресса.

— Игорь Семёнович Красников, участковый, — представился он, протягивая руку. — Вы Сомов?

— Да, — подтвердил Марк. — В чём дело?

Игорь беспокойно оглядел комнату, задерживая взгляд на лицах присутствующих.

— Можно поговорить с вами? — спросил он.

— О чём речь? — согласился Марк. — Что-то случилось?

Участковый снова дёрнул плечом и провёл рукой по лицу.

— У нас тут... ситуация, — начал он неопределённо. — Пропажи. Много пропаж. И все странные. Очень странные... всё странно.

— Какие пропажи? — спросила Елена.

— Сначала мелочи, разные украшения, фотографии, памятные вещи. Потом... — он замолчал, явно борясь с собой.

— Потом что? — настаивал Марк.

— Потом стали пропадать люди, — тихо сказал Игорь. — Исчезают без следа. Никаких улик, никаких свидетелей.

Анна Петровна, сидевшая в углу, издала тихий вздох.

— Кто пропал? — спросил Марк.

— Старик Василий, что жил на окраине. Потом тётя Нюра из соседнего дома. Молодая парочка, приезжие, снимали комнату у Петровых. И... — голос Игоря дрогнул. — И моя жена. Около года назад.

Теперь стало понятно, откуда эта нервозность и воспалённые глаза. Мужчина был на грани срыва.

— Вы проводили расследование? — спросил Марк, включаясь в привычный режим следователя.

— Да, конечно! — вспыхнул Игорь. — Но что расследовать? Люди просто... исчезают. Никаких признаков борьбы, никаких следов. Будто их стёрли из реальности.

— А что говорят в районе?

— В районе? — горько рассмеялся Игорь. — В районе говорят, что люди просто уезжают. Что времена трудные, работы нет, вот и разбегаются кто куда. А то, что вещи остаются, объясняют тем, что уезжают налегке.

— Но вы не верите в это объяснение.

— Моя Светка не ушла бы, не сказав мне, — твёрдо сказал Игорь. — Мы были женаты больше десяти лет. Она не из тех, кто бросает семью без объяснений.

Марк понял, что перед ним стоит человек, переживающий ту же боль утраты, что и он сам. Разница лишь в том, что Игорь ещё надеется на возвращение жены.

— Почему вы просите о помощи меня? — спросил он.

— Вы бывший следователь, — ответил Игорь. — Я навёл справки. Марк Алексеевич Сомов, старший следователь ГУВД, специализировался на сложных делах. Ушёл в отставку три года назад после... после гибели напарника.

— Я больше не следователь, — сказал Марк.

— Но навыки остались, — настаивал Игорь. — А мне нужна помощь. Официально я ничего не могу сделать, начальство считает, что люди просто разъехались. Но я знаю, здесь что-то не так. Что-то очень не так.

В этот момент в доме раздался тот же шорох, который Марк слышал ночью. Тонкий, настойчивый звук, идущий изнутри стен. Все присутствующие замолчали, прислушиваясь.

— Вы слышите? — прошептала Катя.

Шуршание стало громче, будто что-то крупное перемещалось по скрытым ходам в доме. Звук был направленным, он шёл от стены к стене, огибая комнату по периметру.

— Что это? — спросил Игорь, инстинктивно положив руку на кобуру.

— Старый дом, — неуверенно сказала Елена. — Возможно, проблемы с вентиляцией?

Но её объяснение звучало неубедительно даже для неё самой. Шуршание было слишком ритмичным, слишком целенаправленным, чтобы быть случайным звуком старого здания.

Шорох остановился прямо за спиной Марка. Он обернулся и увидел, что остальные смотрят на стену за его креслом с выражением тревоги.

— Там кто-то есть, — твёрдо сказала Катя. — Я чувствую.

— Что чувствуешь? — спросила Анна Петровна.

— Холод. И... голод. Очень сильный голод.

Игорь выхватил пистолет и направил его на стену.

— Кто там? Выходи!

— Не надо, — быстро сказала Анна Петровна. — Не надо делать резких движений.

— Почему?

— Некоторые вещи лучше не тревожить, — ответила она, не сводя глаз со стены.

Шуршание возобновилось, на этот раз, удаляясь к дальнему концу дома. Звук стал тише, тише, и наконец исчез совсем.

— Это повторяется каждую ночь? — спросил Марк. — И сегодня утром у меня пропали часы.

Игорь опустил оружие, но не убрал его в кобуру.

— Значит, и вы столкнулись с... этим, — сказал он. — Тогда вы понимаете, что я не схожу с ума.

— Расскажите мне всё, — попросил Марк. — С самого начала. Всё, что знаете.

Игорь сел в кресло, провёл рукой по волосам, глубоко и тяжело вздохнул. Мужчина вытащил из папки большую стопку разнопёрой бумаги, вшитой в папку «Дело №...» Марк осторожно взял её в руки и пока участковый рассказывал, пробежал глазами строчки.

«Первая фаза: Жалобы на акустические аномалии в ночное время... Серия краж... Характер нетипичен: изымаются предметы, не имеющие материальной ценности, но обладающие высокой сентиментальной значимостью для владельца. Деньги, техника, не тронуты...»

— Всё началось с ерунды, как я тогда подумал, — начал рассказ участковый. — Шум по ночам, жалобы. Ну, подумаешь, соседи ночью топают. Ну, чепуха какая-то. Потом стали пропадать вещи. То фото из альбома исчезнет, то брелок... зажигалка дедова, серебряная ложка... Сначала на воров списали. Только смехотворные вору какие-то. Воруют память, а не ценности. Денег не трогали, совсем, технику не выносили ни разу. Только самое... личное, то, что представляет ценность исключительно для владельца, понимаете?..

«Фаза вторая: Затихье. Прекращение краж. Начались исчезновения... Признаков насильственного похищения нет. Личные вещи, документы, одежда остаются на месте...»

— Потом всё остановилось. Резко. Мы успокоились. А зря, — продолжил Игорь. — Начались исчезновения. Бесследные. Одежда на стуле, чай недопитый на кухне... а человека нет. Как сквозь землю провалился. Пропал старик Михалыч, спал себе... утром обнаружили пустую постель... Одежду холодное. Вещи все на месте. Подом девочка одна, Лидка... Ни криков, ни следов борьбы. Тишина. Безмолвное исчезновение. Ни каких следов. Совсем.

«Фаза третья, самая сложная для фиксации...»

— Но всё это... это будто была лишь прелюдия, — участковый горько усмехнулся. — Потом пришли кошмары. Наяву. Люди видели свои страхи прямо на улице...

«... Снова затихье... Массовые случаи тактильно-визуальных галлюцинаций... Граждане начинают сталкиваться с образами из глубинных, персональных страхов в состоянии бодрствования...»

— Посёлок сходил с ума. В прямом смысле. Катерине почудилось, что по стенам пауки ползают, а она их с детства боится. А Петрович... Петрович кричал, что из каждого угла на него смотрит покойная жена. Будто кошмары материализовались. А потом... Всё прошло. Будто с посёлка сняли пелену. Мы зализывали раны и жили дальше.

«... Эффект носит массовый, но не тотальный характер. Спустя неопределённое время, явление прекращается... Периодичность не установлена, но последовательность фаз неизменна...»

— После того как пропала Света... я перестал спать. Я изучал. Я сопоставлял факты. И нашёл закономерность. Нет, не временную, чёрт побери, её нет! Но порядок... он всегда один. Это цикл. Он повторяется. Интервалы разные, логики нет. Но порядок железный: сначала вещи, потом люди... потом страх, обнажённый и осязаемый. Как будто кого-то кормят. По сбитому расписанию... Будто мы... кормовая база для какой-то аномалии...

— Аномалия... — Марк отложил документы взгляд стал пристальным и тяжёлым. — А завод обследовали?

Игорь снова горько усмехнулся, и в этом смешке была ужасная тоска, усталость и боль.

— Обследовали. И не раз. Но это не поиск, а самоубийство. Лабиринт из ржавого железа и битого бетона. Полы проваливаются в подвал, затопленный водой, чёрной, как чернила. И тишина... Давящая, живая. Она наступает на пятки, стоит только отойти от выхода.

Он замолчал, пальцы нервно забарабанили по столу.

— А ещё там... — голос сорвался, стал тише.

— Что ещё? — Марк наклонился вперёд, стараясь уловить каждое слово.

— Там не так, — Игорь с трудом подбирал нужные слова. — Пространство искажается. Компас сходит с ума, стрелка пляшет, будто хочет вырваться из корпуса. А время... Время течёт по-другому. Зайдёшь в один цех, кажется, прошло полчаса, а на улице уже ночь. В другом цехе я простоял, по моим ощущениям, вечность, а стрелки сдвинулись на пять минут. Воздух густой, им тяжело дышать.

Елена, до этого скептически молчавшая, покачала головой. Рационализм был её щитом.

— Клаустрофобия, дезориентация. В таких руинах мозг ищет опору и не находит. Легко поддаться панике.

— Возможно, — Игорь не стал спорить. Его глаза были пусты. — Но тогда объясните мне, доктор, что это за звуки? Не эхо, нет. Это какой-то ритм. Чёткий, размеренный стук станков, лязг металла, будто смена в самом разгаре. Идёшь на этот грохот, заглядываешь в цех, а там всё замирает. Пыль висит в луче фонаря неподвижно, десятилетиями. Но в носу стоит едкий запах машинного масла и... озона. Будто после мощного разряда.

— Акустический обман, — не сдавалась Елена, но в её голосе появилась неуверенность. — Ветер гуляет в проломах, металл расширяется и сжимается... Эхо, в конце концов...

— Эхо ЧЕГО? — участковый резко хлопнул ладонью по столу, заставив всех вздрогнуть. Его спокойствие лопнуло. — Завод мёртв несколько десятилетий! Откуда ветру взять запах свежей смазки? И откуда этот... — он ткнул пальцем в сторону окон, — этот звук молотьбы, который доносится из цеха электронной микроскопии, где техника разбита и разломана.

Анна Петровна молча встала и медленно подошла к окну. Её силуэт, тёмный на фоне серого стекла, казался воплощением скорби. За её спиной, в унылом утреннем свете, высились корпуса завода. Они не просто стояли в запустении, они подавляли своей угрожающе молчаливой массой.

— Там произошла авария, — голос был тихим, но в гробовой тишине комнаты каждое слово падало оглушительно тяжёлым весом гири. — В девяносто третьем... Погибло много людей. Официально это было нарушение техники безопасности. Утечка, халатность... классические отговорки для списания грехов.

Она обернулась. Глаза пожилой женщины, казалось, видели не стены комнаты, а что-то далёкое и ужасное.

— Неофициально... — она сделала паузу, собираясь с мыслями. — Мой отец был главным инженером. Он рассказывал... странные вещи. О том, что творилось на заводе в последние месяцы.

Марк, не отрываясь, смотрел на неё. Воздух стал густым и сладким, с привкусом старой пыли и страха.

— Что за странные вещи? — вопрос прозвучал как глубокий выдох человека, осознавшего, что сбежать в глухое одиночество у него не вышло.

Воздух в комнате сгустился на столько, что стал тягучим, как смола. Слова Анны Петровны висели в тишине, наполняя её тревожными образами.

— Люди менялись, — голос был ровным, но в нём слышалось напряжение скрипящей струны. — Не сразу, не все. Но процесс был... безостановочным. Спокойные и добросовестные работяги вдруг становились другими, агрессивными, с взглядом, полным немой ярости или страха. Люди были подозрительными до паранойи, видящими врага на каждом углу. В каждой тени...

Игорь, сидевший на краю стула, судорожно сглотнул.

— А некоторые, — Анна Петровна опустила глаза на свои пальцы, — наоборот, будто угасали на глазах. Впадали в апатию, глубокою, как колодец. Смотрели в одну точку, не видя ничего вокруг. Как будто из них... высосали всю волю, всю жизненную энергию. Оставляя лишь пустую оболочку.

Она сделала паузу, давая словам просочиться в сознание слушателей.

— Отец мой, он проработал на заводе тридцать лет, говорил, что в цехах стало холодно. Не просто прохладно, а будто там поселился промозглый холод, пробирающий до костей. Хотя печи тогда работали в штатном режиме. И ещё... — она посмотрела прямо в глаза Марку. — Рабочие жаловались на шёпот. Голоса, которые никто не произносил. Шёпот из стен, из-под земли, из самих вентиляционных шахт, неразборчивый, но настойчивый. Как назойливая муха, которую не отогнать.

Игорь нервно дёрнул плечом, будто по его спине пробежала невидимая струйка того самого ледящего воздуха.

— И что, по-вашему, это означает? — выдохнул он, и в голосе послышалось отчаяние человека, который уже и сам догадался, но боится признаться.

— Не знаю, — честно и просто ответила Анна Петровна, и эти слова прозвучали страшнее мистического шороха за стенами. — Но я уверена, авария была не случайной. Это было не просто стечение технических обстоятельств. Что-то накопилось там, в недрах завода, в его старых стенах. Что-то созрело, как гнойник. И теперь... — она обвела взглядом комнату, — теперь это «что-то» снова просыпается.

Марк зашагал по комнате, будто был гоним каким-то внутренним импульсом. Шаги были бесшумными, но было видно, что его нервы натянуты. Следственный опыт, отточенный годами работы с самыми мрачными проявлениями человеческой природы, отказывался видеть в этом деле череду совпадений. Пропажи личных вещей... Исчезновения людей, оставлявшие после себя тихий ужас... Станные звуки в доме, шорохи за стеной, которые он до последнего списывал на большую фантазию и усталость... Всё это выстраивалось в единую, причудливую и пугающую цепь. Цепь, звенья которой были выкованы не из стали, а из тьмы и этого шороха.

— Игорь, — сказал он наконец, останавливаясь перед участковым. Голос его был низким и твёрдым, вернувшимся к своему профессиональному тембру. — Я хотел бы начать с одного вашего опроса...

— Вы... вы поможете? — в голосе Игоря прозвучала хрупкая, почти детская надежда, готовая разбиться от любого неверного слова.

Марк перевёл взгляд на Елену. Она сидела спокойно, её руки лежали на коленях, а глаза были пристально устремлены на него. И она кивнула. Один короткий кивок, безоговорочное принятие этого решения, как будто понимая всю глубину внутренней борьбы, всю тяжесть того шага, который он решился сделать, возвращаясь в мир, полный теней.

— Я не обещаю найти вашу жену, — сказал Марк Игорю, глядя прямо в глаза. Он ненавидел давать ложные надежды. Это было первое правило. — Но я попытаюсь разобраться, что здесь происходит. Что за незваный гость поселился в наших стенах. Хотя бы для того... — он горько усмехнулся, — чтобы вернуть свои чёртовы часы.

— Спасибо, — с облегчением выдохнул Игорь, наконец убирая пистолет в кобуру. Казалось, его плечи немного распрямились под тяжестью этой благодарности. — Когда можем начать?

— Прямо сейчас, — решительно заявил следователь. Потом он повернулся к Елене. Тишина между ними была значимой для обоих.

— Прошу прощения, — сказал он тихо, но чётко. — За то, что оттолкнул вас сегодня утром. Я... — он искал слова, но нашёл лишь простую, честную правду. — Я не ожидал, что кто-то... заговорит со мной как с живым.

Он сделал паузу, собираясь с мыслями.

— И... спасибо. За то, что поняли.

Уголки губ Елены дрогнули, и на её лице расцвела улыбка, первая за всё время их странного знакомства. Она не была обаятельной или радостной. Она была тёплой. Как первый луч солнца, пробивающийся сквозь щель в наглухо заколоченном окне.

— Не за что, — так же тихо ответила она. — Просто помните, что вы не один в этом... во всём этом.

Марк кивнул, чувствуя, как что-то сдвинулось внутри него, какая-то ржавая шестерёнка в механизме его души со скрежетом, но всё же повернулась. Пока он не был готов назвать это исцелением, но впервые за три года он не чувствовал себя полностью изолированным от мира живых.

— Катя, — обратился он к девочке. — Вы, говорите, что чувствуете... присутствие. Можете показать нам, где оно сильнее всего?

Катя кивнула, хотя в глазах читался страх.

— Могу. Но там очень страшно, дядя Марк.

— Мы будем осторожны, — пообещал он в ответ.

— Хорошо, но нужны фонарики. Там даже днём темно.

— Сначала мне хотелось бы навестить одного из потерпевших...

Анна Петровна проводила их до двери, и перед уходом положила руку на плечо Марка.

— Будьте осторожны, — сказала она. — И помните, что иногда самый короткий путь к свету лежит через самую глубокую тьму.

— Что вы имеете в виду? — спросил следователь

— То, что ваши часы, это не просто пропавшая вещь, — ответила она, поправляя платок на плечах. — Они приманка. Кто-то или что-то хочет, чтобы вы их искали. Вопрос зачем?

За окном небо начало затягиваться тучами, предвещая новый дождь. Заброшенный завод на горизонте выглядел особенно мрачно, как будто готовился принять незваных гостей. Марк понял, что его попытка убежать от прошлого провалилась полностью. Но теперь, впервые за долгое время, у него появилась цель. Найти часы Алексея. Разгадать тайну исчезновений. И, возможно, найти искупление в борьбе с силами, которые питались человеческим горем.

Дождь начался снова. Он настойчиво барабанил, вторя в такт шорохам в стенах. И Марк знал, что этой ночью он не будет спать...

Глава 2. Чёрные невидимки

В кабинете участкового Марк снова перелистывал документы, которые Игорь собирал столько времени. Его внимание, ещё в квартире, зацепил один опрос. Некая Степанида Олеговна написала заявление аж на восемь листов, испещрённых кривым, дрожащим почерком. Расписывая всё, что могла вспомнить.

«Это всё они, я точно знаю, чёрные невидимки, говорят, что работа такая ...» Эта фраза впиалась в сознание Марка, как заноза.

— Добрый день, Степанида Олеговна, — начал участковый, едва переступив порог старого, почерневшего от времени дома.

— Ох, недобрый, Игорёша, недобрый... — из полумарка сеней выплыла бабушка, волоча за собой огромную деревяшку, размером с ножку кухонного стола. Верхушка была усеяна длинными, ржавыми гвоздями, торчащими во все стороны, как шипы. — Вот, смотри, чего делается. Нашла, зафиксируй в своей, этой... папке, сынок.

Марк и Игорь переглянулись. Игорь, движением, отработанным до автоматизма, вытащил из кармана платок и бережно перехватил страшное оружие.

— Степанида Олеговна, что это? — спросил Марк, рассматривая зловещий артефакт.

— Ох, сынок, ох, опять они... Бить меня хотели, а всё оттого, что я помогаю их найти. А я вот забрала палку, пускай теперь попробуют, ироды. Без палки-то они ничего не сделают.

— Степанида Олеговна, это следователь из Москвы, помогает разобраться, — кивнул Игорь в сторону Марка.

— Батюшки святы! — всплеснула руками старуха и засуетилась, пробираясь вглубь дома. — Да чего ж вы стоите-то, скорее, заходите. Сейчас чаем напою, да вот и пирожков с капустой напекла. Чужло моё сердце, не бросит Бог нас, пошлёт помощь.

Игорь привычно уселся на табурет, а Марк, представившись, медленно оглядел низкую, пропахшую травами и печным дымом кухню.

— Очень приятно, Степанида Олеговна, — начал Марк. — Вы можете мне рассказать всё, что знаете про эти... аномалии...

— Это не аномалии, Марк Алексеич, — она бесшумно подошла к нему вплотную, и от неё пахло мятой и мылом. Шёпот был похож на шелест сухих листьев. — Это чёрные невидимки.

— А как же невидимки, если чёрные? Значит, должны были видеть, что они чёрные, — привычно задал вопрос следователь, делая вид, что не в вполне понимает происходящее.

— О, сынок, поживи с моё, тогда понимать станешь, всё как я... Невидимки, как они есть, никто не видел, их только слышно. Вон по стене, под потолком, бегают, как тараканы шальные, будь они не ладны, тьфу... Почём воруют? А почём людей губят? — Она села напротив, сложив натруженные руки на коленях. — Шепчут. Шепчут такое, от чего кровь стынет в жилах. *«Работа наша такая. Не можем иначе»*. Так и говорят.

Голос стал глубже, налился странной силой.

— Питаются, видишь ли, они тоской да памятью. Чем горче слеза, чем ярче вспоминают покойника, коего и похоронить-то по-христиански не удалось... тем сытней им. Серебро-то да фотографии, это так, для отвода глаз. А по-настоящему они кормятся нашей печалью. Сына вон моего, Кольку, до пьянства довели. Он, бедный, уж как боролся с ними, рушник освящённый по всем углам развесил... а они... переломили они волю его. Шептали ему в темноте, шептали, пока не поверил он, что всё пропало, и свет не мил стал. Теперь он в запое, а они с него, с его горя и кормятся.

Она замолчала глядя в пустоту, будто видя там что-то, недоступное им.

— Вещи-то пропадали... жалко, конечно, да не смертельно. А вот как люди стали пропадать... Михалыч, сосед... И нет его. Будто сквозь землю провалился. Али, говорят, уехал... Да куда ему, старому да хворому, уезжать? Некуда. И вот тогда-то, после Михалыча, голоса и появились. Раньше-то, поди, немые были, тихие... а как душу человеческую заполучили, так и речистости прибавилось. Теперь вот всю болтают. *«Степанида, не мешай работе. Всяк своё дело делает. Мы делаем своё, ты своё делай, да не мешай».*

Старушка подняла на Марка мутные, всевидящие глаза.

— А когда они набьют карманы нашим добром, да людей порешат, вот тогда они и становятся видимы. Оттого они и чёрные невидимки, что чёрное дело делают... Али светлым можно назвать умерщвление человек без следа? Нельзя же так, не Божие это дело. Человек захоронен быть должен, иначе нет покоя душе. Так невидимки и заводят себе ещё больше тоскующих душ, кои за них же и работают, безделицы воруют... Замкнутый круг у них. Работа ихняя такая... грешная.

Марк слушал, и по спине у него медленными иглами полз холодок. Он даже не сомневался, что старуха не бредит. Она прямой свидетель. И её свидетельство было страшнее любой протокольной записи.

В кабинете участкового повисла тягучая, тревожная тишина, нарушаемая лишь шелестом бумаг и мерным тиканьем часов. Марк прикрепил к стене последнюю заметку, белый лист, в центре которого было написано: «Чёрные невидимки. Питаются тоской?», «... теперь вот всю болтают». Он любил, когда всё было перед глазами, но эта схема лишь множила вопросы.

Рассказ бабки Степаниды не давал ему покоя. Слишком уж бредово, слишком иррационально. *«Изошрённый маньяк? — размышлял следовательно, глядя на паутину связей. — Может у него крыша поехала от этой атмосферы вечного уныния? Но тогда, как он действует? Почему его никто не видит? И эти шёпоты, и шорохи в панельных стенах... Технический гений с системой скрытых микрофонов? Но зачем? Ни выкупа, ни требований... Просто похищения. Просто кражи. Бесцельное зло?»*

Его мысли прервал оглушительный звук распахивающейся двери. В кабинет, как ураган, ворвался дядя Вася, тот самый, чей дерматиновый «трон» в подъезде был местной достопримечательностью. Лицо его было землистым, глаза выпучены от ужаса, он дышал прерывисто и хрипло, захлёбываясь словами.

— Игорь Се... мёныч... Марк... Лёшич... — он судорожно ловил воздух, прижимая к груди руку. — Пропа-а-ла!.. Её у меня... у-у-укр-укр-рали!

— Дядь Вась, успокойся, сядь, — подскочил к нему Игорь, усаживая на стул. — Кто пропал? Что украли?

— Пе-пепельница! — выдохнул он, и по лицу покатались крупные слезы. — Ба-банка... та самая... Ржа-жавая... Консервная...

Он замолчал, пытаясь собраться с мыслями, а по кабинету пополз холодной дрожью рассказ дяди Васи.

— С-сизу я... на диване... а у меня... в стене... опять. Ш-ш-шуршит, — он нервно передёрнул плечами, будто сбрасывая с себя невидимых ползучих тварей. — Как м-мышь... тока громче. И.. и шепчет. Тихо так, противно... «Работа... работа...» Я засветил фонарём... а из-за обоев... т-тень ч-чёрная... б-быстрая-быстрая... мелькнула. Я закричал, чтоб отстали... а обернулся закурить, ч-чтоб успокоиться... глядь... а её нет. Место... пу-пустое.

Мужчина смотрел на стражей порядка умоляющим взглядом, полным такого отчаяния, что Марку стало не по себе.

— Да вы по-о-оймите... это ж не просто б-банка! — всхлипнул дядя Вася. — Это ж Маша... Мария Петровна... моя... своими руками. Она её обрезала, чтоб не остро. И отмывала, наклейку эту, от тушёнки, до блеска. Говорила: «Тебе, Василий, куда же ты будешь окурки

кидать?» Это ж её... её пальчики... её последняя забота... — он разрыдался, бессильно опустив голову на стол. — Они ж не вещь украли... они ж у меня ... память... последнюю... выкрали...

С ним стало плохо. Он побледнел ещё сильнее, дыхание превратилось в хриплые, короткие вздохи. Игорь метнулся к телефону, чтобы вызвать «скорую», но в этот момент дверь открылась, и в кабинет вошли Катя с Еленой.

— Игорь Семёнович, мы... — начала Катя, но тут же замолчала, увидев сцену.

Елена, не говоря ни слова, отставила сумку и стремительно направилась к дяде Васе. Её движения были точными и уверенными. Она взяла его большую, трясущуюся руку в свои, положила ладонь ему на лоб... заглянула в глаза.

— Дядя Вася, — сказала она мягко, но твёрдо. — Вы в полиции. Вы в безопасности. Дышите. Глубоко. Со мной.

Её голос, спокойный и ровный, казалось, прорезал паутину паники. Она дышала громко и медленно, и дядя Вася, подчиняясь, начал повторять за ней. Спустя минуту его дыхание выровнялось, цвет лица вернулся. Катя, тем временем, без лишних слов, поставила на стол термос с чаем, разложила бутерброды. Потом аккуратно достала из сумки чистую стеклянную банку и поставила её перед дядей Васей.

— Вот, дядя Вася, — тихо сказала девочка. — Новая пепельница. Чистая. Я понимаю, что она не заменит никогда той замечательной банки, но может быть она может побыть временной.

Старик посмотрел на банку, потом на Катю. Его глаза наполнились новыми слезами, но на этот раз, слезами благодарности. Он потянулся и дрожащей рукой погладил Катю по ладони.

— Спа-спасибо, дочка... — прошептал он. — Спасибо.

В этот момент дверь снова распахнулась с такой силой, как будто её пытались снести с петель. В кабинет ворвались запыхавшиеся и перепуганные Алевтина Михайловна и Светлана.

— Вася! Ты здесь! — почти закричала Алевтина Михайловна. — Мы думали, ты как Михалыч... пропал! Уже бежали заявление писать!

В воздухе повисло ощущение всеобъемлющего страха, как будто тишина кричала об утраченном.

— Игорь Семёнович, мы услышали крик из его квартиры, а там никого! — в ужасе оглядывалась Светлана.

И в эту самую секунду, когда все были в сборе, объятые общей тревогой и смятением, свет в кабинете резко погас и вновь включился. Все замерли в немом молчании. И в этой внезапной тишине, откуда-то из самой толщи стен, из старых кирпичей двухэтажного здания полиции, донёсся чёткий, узнаваемый звук. Шорох.

Он был совсем близко. Мерзкий звук, скребущий, будто что-то шаркающее по штукатурке изнутри. Все замерли, превратившись в каменные изваяния. Слухи о «невидимках», слова бабки Степаниды, исчезновения, украденная пепельница, всё это в одно мгновение стало жуткой осязаемой реальностью. Шорох на несколько секунд затих, выдержал леденящую душу паузу, и раздался снова. Прямо за спиной у Марка. Будто кто-то невидимый, холодный и безжалостный, стоял у него за плечом и дышал в спину, шелестя чешуёй или чем-то ещё о кирпичи.

У бывшего следователя побежали ледяные мурашки. Он не решался обернуться. Внутренние инстинкты подсказывали оставаться на месте и не двигаться. А спину обдало таким морозом, как будто к нему приложили ледяную глыбу льда. Страх заставил сердце сбиться и отстукивать ритм как безумное.

Вдруг шорох стал резким, задвигался. Казалось, что источник был не один, а целая стая.

— За дверью, — прошептал Игорь, стараясь сохранить спокойствие, хотя страх разрывал его изнутри. Он указал Марку на ящик стола. Тот всё понял.

Шорох смещался, будто невидимые тени делали шаги и старались обойти стену. Звук забивал комья страха где-то в горле. «Где же искра правды в этой тайне?» Марк вытащил из

ящика фонарик и протянул участковому. Тот медленно подошёл к двери, вытащил пистолет и приготовил фонарик. Светлана, стоявшая ближе всех к двери, медленно взялась за ручку. Игорь кивнул, отсчитал шёпотом «Раз, два, три». Выскочил в коридор. Но там было тихо. Только старая лампа мерцала мутным светом...

Глава 3. Призрак памяти

Марк неровными, сбивающимися шагами расхаживал по тесной кухне коммунальной квартиры, как загнанный в клетку зверь, чьи инстинкты требовали движения, но разум был густым и тяжёлым, будто пропитанный испарениями стра

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.